

Российская академия наук
Институт экономики

П.А. Ореховский

Прерывистый тренд развития
структурализма: альтернативная традиция
экономического анализа

Москва
Институт экономики
2016

Ореховский П.А. Прерывистый тренд развития структурализма: альтернативная традиция экономического анализа: Доклад. М: Институт экономики РАН, 2016. – 47 с.

ISBN 978-5-9940-0573-6

Данная работа представляет собой краткий очерк становления структуралистской теории экономического роста. Выделяются элементы структурализма в классических и неоклассических моделях, рассматривается концепция неэквивалентного обмена в международной торговле, связанная с гипотезой Пребиша – Зингера. Вводится разграничение между структуралистскими и неоклассическими теориями экономического роста. Рассматривается альтернативная традиция экономического анализа, дополняющая традиционные статические модели, основанные на представлении о равновесии спроса и предложения.

В качестве примеров структуралистских теорий роста дана характеристика моделей «периферийного капитализма» Р. Пребиша, «многоуровневой экономики» Ю. Яременко, «технологического пата» Г. Менша. Приводится также введение в современный вариант неомальтузианства – структурно-демографический подход, дополняющий клиометрические исследования.

Ключевые слова: структурный анализ, экономический рост, статика и динамика, технологический пат, убывающая и возрастающая отдача.

Классификация JEL: B41, F41, O11, O40.

P. Orekhovsky. The Discontinuous development trend of structuralism: alternative tradition of economic analysis.

This paper is a brief outline of the formation of the structural theory of economic growth. There are distinguish elements of structuralism in classical and neoclassical models, examines the concept of unequal exchange in international trade related to the hypothesis Prebisch – Singer. We introduce a distinction between the structural and neo-classical theories of economic growth. The alternative tradition of economic analysis is considered, complementing the traditional static models based on the concept of supply and demand equilibrium.

There are examples structural growth theory models the characteristic “peripheral capitalism” R. Prebisch, “multi-level economy” Y. Yaremenko, “technological stalemate” G. Mensch. Then introduction to a modern version Neo-Malthusianism – structural-demographic approach is given, supplementing cliometric research.

Keywords: structural analysis, economic growth, statics and dynamics, technological stalemate, decreasing and increasing returns.

Classification JEL: B41, F41, O11, O40.

© Ореховский П.А., 2016
© Институт экономики РАН, 2016
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение: постановка проблемы.....	4
ГЛАВА I	
Классика: посылка об однородности связи между затратами и ценами. А. Льюис: двухсекторная модель индустриализации. Неэквивалентный обмен во внешней торговле и гипотеза Пребиша – Зингера	7
ГЛАВА II	
«Остаток Солоу» и «Эволюция технологий» Р. Нельсона и С. Уинтера. Общее определение структурализма	16
ГЛАВА III	
Многоуровневая экономика Ю. Яременко. Г. Менш: технологический пат	23
ГЛАВА IV	
Э. Райнерт и И. Валлерстайн. Экономическая история и «факторный анализ»	32
Заключение	40
Литература	43
Об авторе	46

Введение: постановка проблемы

Со времен А. Смита экономистов волнует вопрос, какие факторы являются главными в процессе экономического роста. Бытовавшее в XIX в. представление о политэкономии как о «мрачной науке» основывалось на том, что экономический рост рано или поздно закончится из-за дефицита ресурсов по отношению к растущему населению. Т. Мальтус и современные неомальтузианцы в качестве главных факторов роста рассматривают население, природные ресурсы, их качество (плодородие), окружающую среду, так или иначе фиксируя технологический уровень переработки ресурсов. Неомальтузианское объяснение частично входит в современный мейнстрим, где дефицит ресурсов по отношению к потребностям в них является главной предпосылкой ценообразования. Но все же основными факторами роста в мейнстриме являются нормы сбережений и инвестиций. В краткосрочном периоде они могут различаться, в долгосрочном — совпадают; чем больше сберегает та или иная страна, тем выше будут темпы экономического роста.

К норме сбережений привязываются институты. Совокупность институтов, которая побуждает экономических акторов сберегать и инвестировать, является «хорошей», эффективной и способствует увеличению богатства. Напротив, те институты, которые стимулируют текущее потребление, не дают уверенности в будущем, снижают норму сбережений, замедляют экономический рост, ведут к бедности и потому являются плохими, неэффективными.

Для того чтобы добиться экономического роста, нужно увеличить норму сбережений, а чтобы сделать это, нужно повысить эффективность институтов. Такая логика ведет экономистов к выводу о необходимости реформ. Последние могут быть частными, затрагивающими те или иные сферы экономики и общественной жизни, или радикальными, революционными. Кроме того, реформы могут опираться на спонтанное саморегулирование — в этом варианте используются определения «рыночные», «либеральные», реже — «монетаристские», или на государственное регулирование — тогда их определяют как кейнсианские, или дирижистские. В этом отно-

шении, как указывал Д. Норт, все экономисты являются сторонниками тех или иных идеологий¹.

Однако на практике «плохие» институты часто сочетаются с высокими темпами роста, а «хорошие» — с низкими. Кроме того, среди экономистов нет устойчивого консенсуса в отношении того, какие институты относить к хорошим, какие — к плохим. Последнее, в частности, связано не только с идеологическими предубеждениями, но и с общей эволюцией национальных экономик — то, что вчера способствовало экономическому росту, ныне начинает его тормозить. Как правильно указывает Д. Родрик, все зависит от контекста². Даже высокая норма сбережений не всегда оценивается однозначно положительно, как фактор, способствующий росту: после периода индустриализации она должна снизиться, а рост — замедлиться относительно предыдущего периода, стать более гармоничным, сбалансированным. В противном случае может наступить структурный кризис.

Таким образом, экономики с разным уровнем дохода на душу населения обуславливают и наличие разного контекста, в зависимости от которого необходимо применять и разные модели роста. Это означает, что главными становятся структурные факторы — в противном случае можно было бы ограничиться одной моделью и комплексом универсальных рекомендаций. Важность структурных факторов никем не оспаривается, и в то же время эти факторы *редко выделяют в явном виде*. Структуралистов невозможно определить как отдельную школу, или даже направление, — среди них есть исследователи, придерживающиеся самых разных идеологических позиций. *Но в таком случае существует ли некая особая, свободная от идеологии, структуралистская теория экономического роста?*

Данная работа не претендует на сколько-нибудь исчерпывающий обзор вариантов структурного анализа. Перед нами стояла

-
1. «Под идеологией я понимаю субъективное восприятие (модели, теории), которым располагают все люди для того, чтобы объяснять окружающий мир. Будь то на микроуровне индивидуальных взаимоотношений или на макроуровне организованных идеологий, дающих целостное объяснение прошлого и настоящего, таких как коммунизм или религии, — в любом случае теории, создаваемые отдельными людьми, *окрашены* нормативными представлениями о том, как должен быть организован мир». Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 41.
  2. Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки». М.: Изд-во института Гайдара, 2016. С. 24.

иная задача — выделить собственно структуралистские концепции, которые до сих пор относились (и относятся) к другим экономическим школам. Поэтому более важными, чем принадлежность тех или иных взглядов к классике и неоклассике, кейнсианству, либерализму, марксизму, институционализму, для нас было выделение статического и динамического подхода, однородности и неоднородности используемых производственных функций, структурных, а не порождаемых денежно-кредитной политикой, дефицитов и избытков товаров и ресурсов, убывающей и возрастающей отдачи. Структурализм не представляет собой некой единой методологии, время от времени к нему обращались экономисты, принадлежащие разным школам. Их модели начинали активно использоваться, но потом по ряду причин предавались забвению, поэтому тренд развития структурного анализа не только извилист, но и прерывист.

Классика: посылка об однородности связи
между затратами и ценами. А. Льюис:
двухсекторная модель индустриализации.
Неэквивалентный обмен во внешней торговле
и гипотеза Пребиша – Зингера

В классической политэкономии элементы структурного подхода встречаются достаточно часто. Уже упоминавшееся выше мальтузианство рассматривает экономический рост через призму нарушения и восстановления некой нормальной структуры, характеризующейся пропорциями между населением, занятостью и производством продуктов потребления. Структурный анализ неявно применяется и К. Марксом – его всеобщий закон капиталистического накопления работает только в условиях постоянной структурной перестройки экономики. Если использовать его же формулы расширенного воспроизводства, то легко заметить, что если трудосберегающий научно-технический прогресс и соответствующий рост фондовооруженности затрагивают *только новые рабочие места*, то никакого сокращения занятости нет, «закон всеобщего капиталистического накопления» не действует:

Производство в базисном году:

$$\begin{aligned} c_1^0 + v_1^0 + m_1^0 &= w_1^0; \\ c_2^0 + v_2^0 + m_2^0 &= w_2^0; [v_1 + m_1 > c_2]^3. \end{aligned}$$

Производство и инвестиции в текущем году:

$$\begin{aligned} (c_1^0 + v_1^0 + m_1^0) + (\Delta c_1^1 + \Delta v_1^1 + \Delta m_1^1) &= w_1^1; \\ (c_2^0 + v_2^0 + m_2^0) + (\Delta c_2^1 + \Delta v_2^1 + \Delta m_2^1) &= w_2^1. \end{aligned}$$

---

3. В соответствии с принятыми в марксистской школе обозначениями нижние индексы обозначают 1 – производство средств производства (суммарно w_1), 2 – производство предметов потребления (суммарно w_2), c – постоянный капитал (основные и оборотные средства без учета расчетов с работниками), v – переменный капитал (зарплата), m – прибавочная стоимость. В случае $v_1 + m_1 = c_2$ имеет место простое воспроизводство (экономика находится в стационарном состоянии), в случае $v_1 + m_1 > c_2$ происходит расширенное производство (экономика растет). Инвестиции, за счет которых происходит рост, равны $(v_1 + m_1) - (c_2) = \Delta c_1 + \Delta c_2$. Верхние индексы – 0 – базовый год, 1 – текущий год соответственно.

Поскольку Δv_1 и Δv_2 – положительные величины, постольку никакого сокращения занятости и образования «резервной армии труда» вместе с «абсолютным обнищанием» рабочих не происходит. Для того чтобы такое имело место, необходимо, чтобы новые средства производства замещали старые и имел место общий существенный рост фондовооруженности, опережающий рост капитала. Другими словами, должно наблюдаться:

$$(c^1/v^1):(c^0/v^0) > (c^1+v^1):(c^0+v^0).$$

В этом случае будет иметь место рост безработицы: $v^1 < v^0$. Но это и означает неявное требование постоянной структурной перестройки экономики. По Марксу, впрочем, также как и по Мальтусу, такая перестройка ведет к кризисам; важное отличие в том, что у Мальтуса при этом наблюдается абсолютный дефицит товаров и ресурсов, у Маркса – относительный избыток (кризисы перепроизводства). Но и в том, и в другом случае выход из кризиса предполагает установление жизнеспособных пропорций экономической системы. Такой подход отличается от неоклассического равновесия по Вальрасу – Маршаллу, где основные пропорции, по сути, предполагаются заранее заданными, и структурные кризисы с общим избытком рабочей силы («вынужденной безработицей», по Дж. Кейнсу) невозможны.

С другой стороны, если органическое строение капитала (которое можно рассматривать как аналог фондовооруженности, если абстрагироваться от оборотного капитала) остается постоянным, то ВВП в Марксовой модели воспроизводства будет расти с одним и тем же постоянным темпом (норма прибавочной стоимости здесь также принимается постоянной), и нет никаких условий для возникновения структурных кризисов. Легко заметить, что в этом случае уравнения данной модели становятся *однородными* и экономический рост осуществляется за счет увеличения массы прибавочной стоимости и, соответственно, инвестиций.

Посылка однородности вводится у классиков, если пользоваться современным языком, на микроуровне: чем выше издержки на производство продукции, тем дороже она стоит. В свою очередь, причины кризисов лежат на макроуровне – именно там возникают

диспропорции между численностью населения и объемом производства потребительских товаров (Мальтус) или платежеспособным спросом на потребительские товары и объемом их производства (Маркс). В последнем случае недостаток спроса приводит к снижению цен и последующей – по цепочке – переоценке доходности (и, соответственно, стоимости) капитала. Изменяется вся система цен, все стоимостные пропорции. В период кризиса прежняя однородность связи между затратами и ценами нарушается, причем нарушение происходит на макроуровне – мало того, что спрос оказывается существенно ниже предложения, но вдобавок и структура спроса сильно расходится со структурой предложения. Это противоречие между микро- и макроэкономикой, в общем-то, является характерным для всей истории экономической мысли, пытавшейся создать модели экономических циклов и кризисов. Поэтому какие-то элементы структурализма можно найти у всех исследователей, занимавшихся разработкой «больших теорий».

В свою очередь, модель, которая опирается на явное допущение о *разных институтах*, обуславливающих различие в механизмах функционирования двух макросекторов, была предложена лауреатом нобелевской премии А. Льюисом⁴. Разные институты предполагают наличие различной природы причинно-следственных связей между издержками и ценой. Модель Льюиса использует такую разнородность в образовании цен на важнейший фактор производства – труд. В традиционном аграрном секторе работники получают необходимый для жизни набор продуктов, обеспечивающий возмещение их затрат (институциональную заработную плату). Действует, как сказали бы в СССР, «уровниловка», непосредственная связь между затратами труда и материальным вознаграждением отсутствует. Это обусловлено аграрным перенаселением, наличием избытка рабочей силы в этом секторе. Напротив, в капиталистическом, относительно урбанизированном секторе цена труда устанавливается в соответствии с его предельной производительностью. По мере перетекания рабочей силы из первого сектора

4. Lewis W.A. The Theory of Economic Growth. London: Allen and Unwin, 1955. См. также характеристику модели и взглядов А. Льюиса: Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 83–93.

во второй происходит процесс индустриализации и модернизации⁵, старые институты коллективного землевладения заменяются капиталистическими. Последнее означает, что действует закон спроса: цены на потребительские товары устанавливаются в соответствии с их предельной полезностью, а на факторы производства – в соответствии с предельной производительностью. Легко убедиться, что в условиях конкуренции это означает, что цены стремятся к издержкам производства и однородность связи между последними и ценой теперь распространяется на всю экономику, которая становится, таким образом, односекторной. Как и в условиях кризиса, разнородность представляет собой временное явление, которое постепенно преодолевается по мере развития индустриализации. Забегая вперед, можно сказать, что такое льюисовское представление о наличии, как минимум, двух секторов, в которых действуют *разнородные институты*, при этом связанные с теми или иными отраслевыми комплексами, вообще лежит в основе структуралистской теории роста. Механизмы, аналогичные тем, которые лежали в основе индустриализации, обеспечивают и нынешнее опережающее развитие сервисных секторов, будь то опережающее развитие сферы НИОКР или финансовых услуг.

Но все же и в классической политэкономии, и в неоклассическом мейнстриме всегда присутствовал один раздел, где посылка об однородности не действовала *в принципе* – это сфера международной торговли. Уже в самой постановке вопроса о торговле между *разными* странами предполагалось, что в рассматриваемых национальных экономиках функционируют различные системы цен. И даже у меркантилистов, с их представлениями об абсолютных преимуществах, вводится посылка о производстве одних и тех же товаров и услуг с разными издержками в странах – участниках торговли, так что цена импортируемых и экспортируемых товаров напрямую не связана с затратами на их производство. Естественно, что такая посылка присутствует и в рикардианской теории сравнительных преимуществ.

---

5. Нельзя не отметить, что подобную двухсекторную модель индустриализации за счет «первоначального социалистического накопления» предлагал использовать в СССР в двадцатые годы Е. Преображенский. См.: Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928. М.: Издательство Главархива Москвы, 2008. С. 102–146.

Страна обладает сравнительным преимуществом в производстве какого-либо товара, если в расчете на единицу других товаров это производство оказывается дешевле, чем в других странах. Достаточно, чтобы в различных национальных экономиках структуры цен товаров отличались друг от друга, тогда международный обмен становится выгоден. Относительная неэластичность перемещения производственных ресурсов и рабочей силы между странами приводит к тому, что различия между структурами экономик сохраняются, так что участники международной торговли, по сути, ведут беспроигрышную спекуляцию. Если использовать классические представления о стоимости товаров, которая (в разных вариантах) определяется издержками труда, земли и капитала, то в этом случае имеет место неравный, неэквивалентный обмен – его участники продают импортные товары ниже, а экспортные товары выше стоимости их производства в соответствующей национальной экономике⁶. И тем не менее такой обмен является взаимовыгодным.

В теории Хекшера – Улина (Олина) было продемонстрировано, что страны в скрытом виде экспортируют товары, при производстве которых используются относительно избыточные ресурсы и, напротив, импортируются относительно дефицитные. Специализация национальных экономик на производстве тех товаров, в отношении которых они располагают сравнительным преимуществом, позволяет добиться увеличения совокупной производительности и, соответственно, дохода. Этого невозможно добиться в условиях хозяйственной автаркии.

Данная теория применительно к США была подвергнута проверке В. Леонтьевым, который обнаружил неожиданный парадокс – несмотря на относительную избыточность американского капитала, США экспортировали преимущественно трудоемкие товары. Это стимулировало дальнейшие исследования структуры экспорта и импорта в США. Труд был дезагрегирован по степени сложности. Было выявлено, что в период 20–50-х гг. прошлого века капитал был «относительно» не самым избыточным фактором производства в США. Первое место здесь принадлежит обрабатываемой земле и научно-техническим кадрам. И действительно, США высту-

---

6. Подробнее см.: *Ореховский П.А.* Неравный обмен и свойства пространства в экономической теории // Вопросы экономики, № 8, 2010. С. 90–111.

пают чистым экспортером товаров, интенсивно использующим эти факторы...»⁷. Если продолжить эти рассуждения, то можно прийти к неожиданным выводам о том, что модель международной торговли будет воспроизводить и усиливать в отдельных странах поиск и разработку новых технологий, развитие науки и образования, а в других – стимулировать добычу и первичную переработку природного сырья. При этом сама по себе теория Хекшера – Улина, естественно, не позволяет получить таких результатов. Факторы производства, что характерно для неоклассического мейнстрима, представляются относительно однородными, что позволяет их агрегировать в «труд» и «капитал».

В середине XX в. подобная дезагрегация была предпринята Р. Пребишем⁸. Практически одновременно с К. Зингером он выдвинул гипотезу о том, что по мере роста международной торговли цены на сырьевые товары относительно снижаются, в то время как цены на промышленные товары, выраженные в единицах сырья, растут. Фактически это означает ухудшение условий торговли для сырьевых стран.

Пребиш основывался на наблюдениях за условиями торговли латиноамериканских стран в 20–30-е гг. Но уже в шестидесятые годы цены на сырье стали постепенно расти, и, в сущности, тогда доказать эту гипотезу эмпирически так и не удалось. Тем не менее в недавнем исследовании Международного валютного фонда были прослежены колебания цен на сырье с 1650 г., и подтвердилось, что в долгосрочной перспективе цены на любой вид сырья снижаются по сравнению с ценами на промышленные товары⁹. Гипотеза Пребиша – Зингера была подтверждена эмпирически.

В результате ухудшения условий торговли между центром и периферией формируются отношения неэквивалентного обмена, причем развитие периферии очень сильно зависит от гегемона. Вслед за Пребишем, как указывает Дж. Лав, эта идея развивалась «исследователями из других регионов (безусловно, с соответствующими

7. Линдерт П. Экономика мирохозяйственных связей. М.: Прогресс, 1992. С. 78.

8. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА. 1992.

9. МВФ доказал, что страна-экспортер сырья всегда будет отставать от промышленных стран // Финмаркет, 19 августа 2013. Путь доступа: <http://www.finmarket.ru/main/article/3441268> (дата обращения 01.08.2016).

модификациями), такими, как Аргири Эммануэль, Андре Гундер Франк, Иммануил Валлерстайн, Йохан Гальтунг и Самир Амин»¹⁰.

Стоит отметить, что Р. Пребиш в подтверждение своей гипотезы выдвигал дополнительные аргументы, связанные с эластичностью спроса и предложения на соответствующие товары. Так, в частности, он предполагал, что объем производства и, соответственно, предложение сельскохозяйственных товаров относительно неэластичны, в отличие от производства и предложения промышленной продукции. Пребиш объяснял это тем, что в аграрном секторе действует относительно конкурентная структура мелких производителей, в то время как в промышленности крупные фирмы и государство способны более эффективно контролировать отраслевой выпуск. Вероятно, такое представление соответствовало реальности во время мировой аграрной депрессии 30-х гг., однако уже во второй половине XX в. ситуация существенно меняется; более того, часть европейских стран, бывших чистыми импортерами продовольствия, теперь также поставляют аграрную продукцию на экспорт.

Тем не менее сам термин «структурализм» исторически связывают с идеями Р. Пребиша, К. Зингера и других ученых, акцентировавших внимание на структуре международной торговли и теории «зависимого развития». Действительно, если сравнить этот подход с обычными теориями экономического роста, можно выделить следующие важные отличия:

- 1) в теории Хекшера – Улина национальные экономики, участвующие в международном обмене, экономически независимы друг от друга и относительно самодостаточны, имеют примерно одинаковый уровень доходов на душу ВВП. В теории Зингера – Пребиша периферийные экономики зависят от стран центра: периферийные экономики сравнительно бедны, экономики центра, ядра сравнительно богаты. Принципиальным является и то, что в отношении технологий и капитала периферийные экономики *зависят* от экономик центра, что делает возможным применение со стороны последних различных экономических санкций, включая торговое эмбарго *с целью нанесения ущерба перифе-*

---

10. Лав Дж.Л. Рауль Пребиш и возникновение доктрины неэквивалентного обмена. В кн. *Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке* /редкол.: В.С. Автономов (гл. ред.), О.И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д.И. Мельник (отв. секр.) и др. М.: ИД ВШЭ, 2015. С. 411.

рийным странам. В модели Хекшера – Улина санкции не то чтобы невозможны, но в случае введения санкционного режима, как минимум, в равной степени (а то и в большей) пострадает страна – инициатор применения санкций;

- 2) теория Зингера – Пребиша выделяет сырьевые (в первую очередь аграрные) и промышленные товары. Они принципиально различаются по характеру производства и сбыта. Производство сырьевых товаров относительно неэластично и характеризуется растущими или постоянными издержками, производство промышленных товаров может резко расти или снижаться в зависимости от спроса, при этом издержки на единицу в условиях роста производства существенно снижаются. В результате этих «объективных свойств» условия торговли будут постепенно ухудшаться для страны, которая специализируется на производстве сырьевых товаров, и улучшаться для страны с промышленной специализацией. В теории Хекшера – Улина используются понятия относительно «трудоемких» и «капиталоемких» товаров. Импорт снижает доходы владельцев относительно дефицитных факторов производства, экспорт – повышает доходы владельцев относительно избыточных факторов производства. Ситуация, когда для какой-то страны будет наблюдаться постоянное ухудшение условий торговли, в таком случае является фантастической;
- 3) и теория сравнительных преимуществ Рикардо, и теория Зингера – Пребиша демонстрируют отсутствие непосредственной связи между издержками и ценой в международном обмене, что приводит к возникновению неэквивалентного обмена. Тем не менее в первом случае неэквивалентность – явление, которое задевает *обе стороны*, и в целом нельзя говорить о том, что какая-то страна *всегда* будет больше выигрывать от международной торговли, а какая-то – меньше. Во втором варианте страна-гегемон получает часть дополнительной интеллектуальной ренты, изымая эту ренту из периферийной экономики. Поскольку в этом случае неэквивалентный обмен можно интерпретировать как «отношения эксплуатации», зачастую всех исследователей, использующих эту доктрину, включая мир - системный анализ И. Валлерстайна, относят к наследникам марксистской традиции. Это, вообще говоря, неверно. Как показывает, например,

Р. Нуреев применительно к другому представителю структурализма: «Стартом экономического развития А. Эммануэль считает не процесс первоначального накопления капитала, и даже не промышленную революцию, а рост заработной платы выше рикардианского прожиточного минимума. Рывок вперед одной из стран оплачивается другими, отставшими странами. Поэтому благополучие сильной страны, считает А. Эммануэль, покоится на бедности слабых стран. В его концепции «заработная плата – причина, а эксплуатация лишь следствие»¹¹. Как видим, из этой позиции трудно дотянуться до логики лозунга «пролетарии всех стран, объединяйтесь».

С другой стороны, несмотря на все значение структурных факторов для международной торговли, структурный анализ, как уже отчасти было продемонстрировано выше, далеко не исчерпывается этой сферой. Более того, вместе с процессами деиндустриализации и развития сферы услуг в Европе, Японии и США, подъемом «новых индустриальных стран», Индии и Китая, распространением неолиберальных моделей структурализм в стиле Р. Пребиша и его последователей давно утратил свое прежнее влияние. Концепции этих ученых не были опровергнуты (более того, как видим, МВФ подтвердил верность гипотезы Зингера – Пребиша), они были просто отброшены как неактуальные. В настоящее время латиноамериканский структурализм уже стал историей. Однако сам структурный анализ продолжает применяться (и развиваться) многими другими исследователями.

---

11. Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. С. 189.

«Остаток Солоу» и «Эволюция технологий»
Р. Нельсона и С. Уинтера.
Общее определение структурализма

Однородность производственных функций является важнейшим свойством неоклассических моделей. Обычно при этом обращают внимание, что это свойство позволяет учитывать эффект от масштаба, однако еще важнее то, что предполагается наличие функциональной связи между ценой и качеством товаров и ресурсов — более производительное оборудование и технологии стоят дороже, менее производительное — дешевле. Эта гипотеза редко присутствует в моделях в явном виде, поскольку считается самоочевидной. При прочих равных условиях рыночный механизм обеспечивает более высокие цены в отношении более качественных товаров и производительных факторов производства. Об этом не стоило бы и говорить, если не учитывать, что в долгосрочном периоде такое допущение, как правило, нарушается. В случае фондосберегающего научно-технического прогресса новое оборудование, заменяющее старые машины, является более дешевым и экономичным в расчете на единицу продукции (полезного эффекта). В отношении конечного потребления — многие виды «нормальных благ» превращаются в «вебленовские товары», в отношении которых традиционная зависимость между ценой и спросом перестает действовать.

Тем не менее в краткосрочном периоде посылка однородности сохраняет свою реалистичность. Модель общего равновесия Вальраса — Маршалла, таким образом, реализуется в рамках *экономической статики*, где все основные параметры экономической системы являются заданными. Отсюда легко перейти к проблеме наиболее эффективного распределения ограниченных ресурсов, которая в 20 — 30-е годы прошлого века заместила собой предмет изучения экономической теории: «Экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различ-

ное употребление»¹². Но структурные факторы не элиминируются, напротив, они оказываются в центре анализа. В связи со степенью монополизации рынка возникают разные структуры, которые приводят к тем или иным отклонениям от равновесия в случае чистой конкуренции.

Математическая запись условия однородности функции выглядит следующим образом:

$$Y = f(a \cdot x) = a^\lambda \cdot f(x);$$

где λ — показатель степени однородности; a — константа.

В случае производственной функции Y — доход (выпуск), x — затраты ресурсов. При росте затрат выпуск увеличивается, при этом в случае постоянной «отдачи от масштаба» $\lambda=1$ выпуск растет прямо пропорционально затратам, в случае падающей отдачи $\lambda < 1$ затраты растут быстрее, чем выпуск (причем может быть и $\lambda < 0$), в случае возрастающей отдачи $\lambda > 1$ — затраты растут медленнее, чем выпуск. Однородная функциональная зависимость между издержками и доходом не допускает варианта, когда издержки (x) снижаются, а доход (Y), тем не менее, растет; невозможна и ситуация, когда издержки (x) увеличиваются, а доход (Y) снижается. Но именно это и наблюдается во время структурных кризисов.

Одна из основных неоклассических моделей экономического роста в длительном периоде, модель Р. Солоу, основана на гипотезе об однородности зависимости между капиталовооруженностью и производительностью. Сравнивая эмпирические данные о приросте производительности и капиталовооруженности с теоретическими значениями, Р. Солоу выделил остаток, который вносил дополнительный вклад в рост производительности. Формализовано «остаток Солоу» можно представить следующим образом:

$$\Delta A/A = \Delta Y/Y - a \cdot \Delta K/K - (1-a) \Delta L/L,$$

где $\Delta Y/Y$ — темп прироста производительности (ВВП на душу населения);

12. Роббинс Л. Природа и значение экономической науки. В кн. *Философия экономики. Антология* / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 96.

$\Delta K/K$ — темп прироста затрат капитала (и соответственно — вклад капитала в прирост ВВП);

$\Delta L/L$ — темп прироста затрат труда (и соответственно — вклад труда в прирост ВВП);

Δ — коэффициент эластичности отдачи капитала. Функция Солоу однородна в первой степени (предполагается постоянная отдача производственных ресурсов, поэтому сумма эластичностей капитала и труда равна единице);

$\Delta A/A$ — темп прироста совокупной производительности труда и капитала (неидентифицируемые факторы, «остаток Солоу»).

Как показали расчеты, вклад «остатка Солоу» в экономический рост практически во все рассматриваемые периоды превышал 50% (в отдельные периоды это значение оказывалось и выше 70%). Отсюда следует, что решающий вклад в экономический рост вносят структурные факторы. Исходя из этого результата, можно легко критиковать неоклассические теории, основанные на норме сбережений и соответствующих приростах использования труда и капитала, как неадекватные реальности.

Впрочем, эта критика, применявшаяся многими структуралистами, не совсем по адресу. Естественно, что статические модели, использующие посылку однородности и обычно посвященные проблеме распределения ресурсов и поиску равновесия, не могут (да и не должны) объяснять экономический рост. Поэтому в учебниках по макроэкономике, в разделах, посвященных экономическому росту, о подобной критике обычно даже не упоминается. По иронии судьбы, пафос работ самого Р. Солоу, посвященных критике постоянства долей капитала и дохода в неоклассической схеме распределения национального дохода, что отражается в послыке однородности модели Кобба—Дугласа¹³, оказался проигнорирован большинством экономистов, а собственная модель Р. Солоу ныне используется для демонстрации достижения неоклассического равновесия в долгосрочном периоде. Предполагается, что в точке, где предельная норма отдачи капитала сравнивается с нормой выбытия, будет достигаться максимум потребления; дальнейший экономический рост будет подрываться опережающим износом капитала, так что инвестиции

13. Solow R.M. A Skeptical Note on the Constancy of Relative Shares // American Economic Review. Vol. 48, No. 4. September 1958. P. 618–631.

станут невыгодны обществу. В этой ситуации экономический рост будет достигаться только за счет роста населения и занятости, в то время как увеличение дохода на душу населения будет оставаться постоянным, экономика достигнет предела использования имеющихся ресурсов – труда и капитала. И эта удивительная интеллектуальная конструкция присутствует в большинстве современных учебников по макроэкономике¹⁴.

Тем не менее, выделение остатка Солоу стимулировало работы, посвященные моделированию закономерностей научно-технического прогресса. При этом исследователи «остатка Солоу» стали пытаться применять другой математический аппарат, отвергающий посылку однородности. Как уже говорилось, реализация фондосберегающего научно-технического прогресса, когда «машины заменяются машинами», нарушает привычную функциональную связь между издержками и ценами: более производительные машины стоят дешевле – либо в расчете на единицу производимой продукции, либо, что происходит несколько реже, в абсолютном выражении. В результате, вопреки основным гипотезам моделей Кобба–Дугласа и Солоу, рост производительности достигается не только при росте, но и *при снижении* фондовооруженности.

Р. Нельсон и С. Уинтер моделировали научно-технический прогресс как «случайный поиск», который осуществляется фирмами¹⁵. Такой поиск представляет собой марковскую цепь случайных событий. Фирма осуществляет выбор новых технологий в «пространстве коэффициентов капитала и труда». Это похоже на случайные блуждания, «мутации», при которых эффективные решения сохраняются, а неэффективные отбрасываются (фирма возвращается в исходную «технологическую точку»). Если интерпретировать полученные Нельсоном и Уинтером траектории роста отдельных фирм в рамках структурных изменений национальной экономики, то можно получить следующий график (рис. 1):

14. См. например: Мэнкью Н.Г. Макроэкономика. М.: МГУ, 1994, гл. 4–6; Ромер Д. Высшая макроэкономика. М.: ИД ВШЭ, 2014, гл. 1. В России такой авторитетный экономист, как Е. Гайдар, ссылается на модель Солоу как основную концепцию, объясняющую механизм экономического роста. Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста. М.: Евразия, 1997.

15. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 2000.

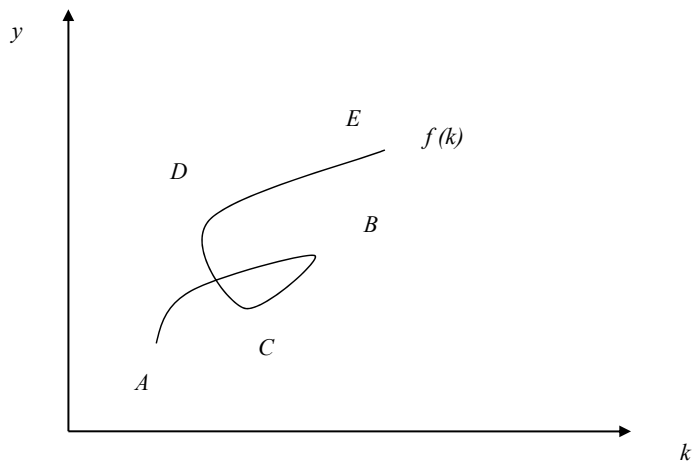

Рис. 1. Производительность и капиталовооруженность во время технологической перестройки (структурного кризиса)

Участки $[A; B]$ и $[D; E]$ – периоды, которые описываются традиционной функцией Солоу, для которых характерно соблюдение посылок однородности, убывающей предельной отдачи капитала и трудосберегающего НТП. Участок $[B; C]$ – время технологической перестройки, сопровождающейся снижением капиталовооруженности и производительности труда (отметим, что производительность – душевой ВВП – обычно снижается меньше, чем капиталовооруженность). Участок $[C; D]$ – период растущей предельной производительности капитала.

Однако Нельсон и Уинтер в своей работе не ставили перед собой цели построения структуралистской теории экономического роста. Как они указывают, «мы развиваем эволюционную теорию... поведения коммерческих фирм, функционирующих в условиях рынка... эволюционная теория открывает широкие перспективы, способствующие анализу большого круга явлений, связанных с экономическими изменениями, которые либо возникают в результате изменения спроса на продукцию или условий предложения факторов производства, либо вызваны нововведениями со стороны фирм»¹⁶.

16. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. С. 19.

В этом отношении их модель опирается на некоторые фиксированные *способы поведения фирм* (рутины краткосрочных и долгосрочных решений, а также способы обучения и адаптации менеджмента), в то время как структура отрасли, технологий, экономики в целом является постоянно изменяющимся следствием принимаемых решений. Нельсон и Уинтер не рассматривают процесса банкротства фирм, связанных с этим ростом безработицы, упадка городов, в результате которого меняются все основные отраслевые и территориальные пропорции. Последнее выходит за рамки их анализа.

И все же, поскольку основным фактором, который лежит в основе экономического роста в эволюционной теории, являются инновации, модель «смены технологических популяций» Нельсона и Уинтера можно интерпретировать как рост на основе *непрерывной структурной перестройки*. Соответственно, и структурализм в экономической теории выделяется как такое направление анализа экономической динамики, где главным являются структурные факторы, в отличие от тех экономических школ, где в основе роста прежде всего лежат рост нормы сбережения и увеличение инвестиций. В свою очередь, понятие «структурные факторы» включает в себя очень широкий круг феноменов — это и структура внешней торговли, и инновации, и институциональные изменения, и структура отраслевых рынков (степень монополизации), и многое другое.

Такое определение, в свою очередь, вызывает вопрос, а что в экономической теории *не является структурализмом*. Понятно, что речь идет о традиционном анализе, связанном с ростом сбережений и инвестиций, но дело не только в этом. Центральным разграничением здесь является наличие допущений экономической статики — неизменность институтов, наличие однородной связи между издержками и ценами (однородность производственных функций), иммобильность факторов производства во внешней торговле, и так далее. Обычно эти допущения являются вполне реалистичными в контексте краткосрочного периода.

Но возможен ли экономический рост, основанный именно на структурных факторах, обозначенный частью траектории [C; D] на рис. 1? Предполагается, что инвестиции в это время осуществляются только из амортизационных фондов, т.е. норма сбережений либо снижается, либо остается неизменной. Это представляется

возможным, но только на короткое время — ни одна национальная экономика в относительно долгосрочном периоде не развивалась исключительно за счет амортизации. Если использовать старую советскую терминологию, интенсивные (структурные) и экстенсивные (основанные на увеличении затрат ресурсов) факторы всегда действуют совместно. Однако если говорить о структуралистской теории роста, эти факторы нужно как-то отделить друг от друга. Как говорил об этом академик Ю.В. Яременко: «Раньше мы — я имею в виду отечественных экономистов — описывали механизм экономического развития следующим образом. Есть норма накопления, есть капиталоемкость (норма отдачи), и если увеличивается норма накопления, то темпы роста повышаются, а если уменьшается, то темпы роста снижаются. Далее, было понятно, что увеличение нормы накопления связано со снижением отдачи. По этой причине нельзя расширять норму накопления больше определенных пределов, иначе получаемый положительный эффект будет погашен снижением отдачи. Отсюда возникли представления об оптимальной норме накопления, в пределах которой ее увеличение, сопровождаемое снижением отдачи, не приводит к снижению темпов роста. Все эти рассуждения, в общем, справедливы, и за ними стоят реальные процессы. Но недостаток этой схемы заключается в том, что экономика рассматривается в ней как «черный ящик». Лично мне такой подход никогда не казался достаточным. Мне всегда хотелось проникнуть во внутренние механизмы функционирования нашей экономической системы, которую я рассматриваю как исторический объект, живущий по своим собственным, специфичным законам. Таким образом, сфера моих интересов не ограничивалась изучением «входа» и «выхода» этого «черного ящика», а охватывала взаимосвязи и процессы, происходящие внутри экономики. Такая постановка задачи меня весьма вдохновляла»¹⁷.

---

17. Яременко Ю.В. Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики науки, 1999. С. 101.

Многоуровневая экономика Ю. Яременко. Г. Менш: технологический пат

Структуралистская теория роста, в узком смысле, требует выделения в качестве единицы анализа не отдельных фирм, но отраслей и регионов (стран, макрорегионов, городов). Под «отраслью» здесь понимается не столько совокупность предприятий, но комплексная технология (совокупность микротехнологий), позволяющая получать линейки однородной продукции. Рост здесь представляется как обновление технологий, замена одних другими, что выражается в изменениях структуры экономики. Банкротство (ликвидация), реструктуризация старых, образование новых фирм, учреждений, организаций — естественное следствие, но не причина такого роста.

Теория «многоуровневой экономики» Ю. Яременко представляет собой именно такую концепцию, где одни технологии сменяют другие; за счет этого в первую очередь осуществляется экономический рост. «Технологическая структура экономики применительно к нашему народному хозяйству имеет пирамидальное строение. Эта пирамида может быть представлена в виде технологических уровней, в соответствии с которыми осуществляется распределение ресурсов. Речь идет не только и не столько о приоритетах, выраженных в количественных соотношениях, то есть в объемах выделяемых средств, сколько о приоритетах в области распределения качественных, квалифицированных ресурсов. Нижнему уровню технологической пирамиды соответствуют массовые ресурсы, дешевые, доступные, но некачественные, дающие низкую отдачу. Более высокие технологические уровни опираются на ресурсы более высокого порядка.

Низкая отдача массовых ресурсов приводит к тому, что страна, форсирующая экономический рост, начинает потреблять их в огромном количестве...

Ограниченность запасов массовых ресурсов вынуждает заменять их ресурсами и технологиями более высокого техниче-

го уровня. Этот процесс я назвал «замещением». Таким образом, в экономике возникают некие замещающие потоки, которые способствуют сдвигу всей системы вверх по иерархии уровней технологического развития. Образно говоря, *экономика сама себя тянет за волосы* (курсив мой. — П.О.). К тому же этот «мотор» служит поддержанию технологического равновесия. Дело в том, что структурное и технологическое равновесие постоянно нарушаются из-за дефицита массовых ресурсов, но посредством пересмотра приоритетов и благодаря возникающим на этой основе процессам замещения равновесие восстанавливается. Такова, с моей точки зрения, общая схема экономического развития»¹⁸.

Другими словами, качественные ресурсы, производимые экономической системой, могут направляться как на расширение относительно высоких технологических уровней, так и на замещение относительно менее качественных или массовых ресурсов, задействованных в отраслях нижних уровней. В условиях плановой, административной экономики, о которой писал Ю. Яременко, решения о направлении качественных ресурсов на замещение или на расширение высокого технологического уровня определяются приоритетами органов управления.

Если приоритеты таковы, что качественные ресурсы направляются в высшие технологические уровни, то дефицит этих ресурсов на относительно низших уровнях обостряется. Это приводит к тому, что на этих уровнях начинают использоваться менее качественные ресурсы (ручной труд, материалоемкое, энергоемкое и низкопроизводительное универсальное оборудование и т.д.). Использование некачественных массовых ресурсов в хозяйственных (технологических) уровнях Ю. Яременко называет эффектом компенсации.

Формально эффекты замещения и компенсации описываются с помощью хорошо известных в микроэкономике норм замещения, однако Ю. Яременко вводит обобщающие показатели «средних народнохозяйственных коэффициентов», демонстрируя, что замещение и компенсация находятся друг с другом в обратном пропорциональном отношении:

---

18. Яременко Ю.В. Экономические беседы. С. 102–103.

$$\frac{1}{q_\gamma} = \left| \frac{dQ_\gamma(\bar{R})}{dQ_\gamma(\underline{R})} \right| = d_\gamma,$$

где d_γ – коэффициент замещения, q_γ – коэффициент компенсации, $\underline{R}$ – массовые ресурсы, $\bar{R}$ – качественные ресурсы, γ – ранг хозяйственного (технологического) уровня, Q – функция потребления ресурсов (технология)¹⁹.

Чем больше массовых ресурсов $\underline{R}$ направляется на компенсацию дефицита качественных ресурсов на уровне γ , тем ниже становится технологический коэффициент компенсации. Достижение предельной глубины компенсирующих воздействий (некоторой критической величины Z_γ в соотношении качественных и массовых ресурсов, потребленных на γ -ном уровне) означает резкое ускорение этого снижения. T_γ – коэффициент компенсации; приближение его к нулю означает невозможность компенсировать дефицит качественных ресурсов некачественными. Это – остановка в экономическом росте, кризис (рис. 2).

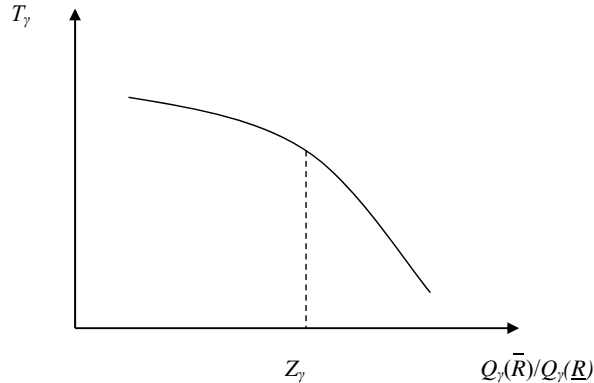

Рис. 2. Изменение коэффициента компенсации в пределах одного уровня экономики²⁰

19. Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 1997. С. 39.

20. Там же. С. 52.

«Возникающий при этом дефицит первоначально носит относительный характер. Он в основном касается качественных ресурсов. Однако по мере углубления несбалансированности относительный дефицит перерастает в абсолютный, выражающийся в количественной нехватке ресурсов, необходимых для поддержания пропорционального развития»²¹. По сути, то, что Яременко называет «абсолютным дефицитом», обычно называют *структурным кризисом*. С конца 70-х гг. прошлого века СССР находился в условиях такого кризиса, с того же времени (1979 г., «меры по совершенствованию хозяйственного механизма») в России возникает дискурс «экономических реформ», доминирующий в отечественной литературе и в наше время.

Характерно, что интерпретация проблем советской экономики как ситуации *структурного кризиса* не нашла понимания у тогдашней научной общественности, несмотря на все разговоры о необходимости «всесторонней интенсификации». Во многом это было связано с сохраняющимся влиянием марксизма, который развивался в рамках статического анализа. Строго говоря, Маркс вообще не разделял понятий потока и запаса. Экономическая статика не допускает как наличия *общего* избытка ресурсов, включая вынужденную безработицу, так и *хронического* дефицита. Напротив, в СССР была сравнительно легко воспринята работа Я. Корнаи, где такой хронический дефицит увязывался с наличием «мягкого бюджетного ограничения» у социалистических предприятий²², причем эта предложенная модель дефицита быстро приобрела широкую популярность.

Работа Корнаи использует традиционный микроэкономический и – отчасти – институциональный анализ и не имеет никакого отношения к марксистской политэкономии. Но она была выполнена в рамках привычного марксистам статического подхода. Соответственно, в СССР довольно долго господствовали иллюзии, что можно добиться решения проблемы структурного дефицита с помощью расширения хозяйственной самостоятельности предприятий («снижения степени патернализма», по Я. Корнаи) и укрепления финансовой дисциплины. Впрочем, иллюзии относительно

21. Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. С. 57.

22. Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

возможностей осуществления структурной перестройки российской экономики, изменения ее «сырьевой ориентации» с помощью финансово-бюджетной политики и небольших институциональных изменений, направленных на «развитие предпринимательства», у отечественного политико-экономического истеблишмента сохраняются и ныне.

Стоит подчеркнуть принципиальное различие понятий дефицита по Яременко и по Корнаи. Последний говорит, по сути, о номинальном, монетарном феномене превышения спроса над предложением, обращая внимание на «ползучую инфляцию» в странах народной демократии. Яременко же говорит о реальной, технологической и динамической диспропорциональности, которую невозможно устранить сжатием денежной массы с помощью тех или иных мер (например, «замораживанием вкладов» населения или уменьшением финансирования государственных предприятий).

Чтобы ликвидировать «дефицит по Корнаи», достаточно превратить «мягкое» бюджетное ограничение в «жесткое». Для этого требуется провести соответствующие институциональные преобразования: ликвидацию большей части министерств и ведомств с демонополизацией отраслей, приватизацию предприятий, перестройку налогов и бюджета, создать децентрализованную кредитно-финансовую систему. Все эти мероприятия были реализованы в странах бывшего социалистического лагеря и сопровождались длительным трансформационным спадом. Справедливости ради нужно оговориться, что, если судить о результатах реформ с позиций доминирующей парадигмы неоклассического синтеза, рыночная экономика сформировалась, общий дефицит товаров и ресурсов был ликвидирован. Для постреформенных стран характерны теперь обычные капиталистические проблемы: безработица, периодически обостряющаяся инфляция, высокая социальная дифференциация по имуществу и доходам, дисгармоничный, часто сменяющийся спадами, экономический рост, высокая степень внешней задолженности.

Если же вернуться к структурализму, то легко заметить, что проведенные реформы привели к ликвидации предприятий и рабочих мест в отраслях среднего уровня, составлявших основу промышленности социалистических стран. Их продукцию заместил импорт, конкурентоспособными оказались только сырьевые отрасли и часть

предприятий высоких технологий (аэрокосмическая, атомная промышленность). Более двадцати лет назад, в 1993 г., применительно к России Яременко указывал: «...в первую очередь будут реализованы частные интересы производственных групп, занимающихся добычей сырья. В результате появятся острова благополучия в нищей стране. Подобные острова появятся и в сфере высоких технологий, например, в машиностроении. Преобладающей для них будет экспортная ориентация. Другими словами, произойдет некоторая анклавизация страны. Вся остальная экономика будет находиться на чрезвычайно низком уровне: низкая оплата труда, низкие технологии и соответствующая им ментальность...

...Другими словами, у нас наряду с благополучными анклавами высоких технологий и производства сырья, энергии останется неблагополучная, низкоуровневая экономика. Такая структура сравнима с экономикой, например, Индии или стран Латинской Америки, где есть сильные корпорации, работники которых живут по меркам современной жизни, но одновременно существует значительный нижний слой. Динамического взаимодействия между этими слоями нет или оно очень слабое. Таким образом, существует опасность превращения нашей экономики в стоячее болото с разбросанными по нему отдельными островами благополучия»²³.

По Яременко, в неприоритетных отраслях, каковыми были вся гражданская промышленность и сельское хозяйство СССР, в основном использовались сравнительно некачественные, массовые ресурсы. Либерализация внешней торговли сделала эти отрасли неконкурентоспособными по сравнению даже с отраслями тех экономик, которые примерно соответствовали России по уровню ВВП на душу населения, но структура которых была более сбалансирована (например, Турции, Польши, Испании, Таиланда, Малайзии и т.д.). Там использовались более качественные ресурсы и технологии более высокого уровня. Теперь уже можно констатировать, что анализ Яременко был верен, и что задача изменения структуры российской экономики по-прежнему актуальна. Впрочем, естественно, что проблема структурной политики стоит и перед другими странами «догоняющего развития».

---

23. Яременко Ю.В. Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. С. 237–238.

В то же время концепция Яременко предназначалась для объяснения структурного кризиса, как он складывался в условиях системы административного перераспределения ресурсов. Кризис здесь — результат перенапряжения системы, возникающего под влиянием административных воздействий, реализующих соответствующие приоритеты. В погоне за развитием все более высоких технологических уровней туда направлялись не только качественные, но и относительно некачественные ресурсы до тех пор, пока общий дефицит не остановит экономический рост. Другими словами, эффект компенсации (вовлечения некачественных ресурсов) был больше эффекта замещения (исключения некачественных ресурсов). Для ликвидации структурного дефицита органам управления требовалось выделять намного больше качественных ресурсов для расширения средних и постепенного сокращения нижних уровней, использующих самые простые и неэффективные технологии. Это снизило бы темпы роста в краткосрочной перспективе, но позволило бы избежать его остановки и кризиса в длительном периоде. Когда эффект замещения становится больше эффекта компенсации, тогда некачественные ресурсы перестают быть дефицитными.

Но такой подход в странах периферийного капитализма порождает иную проблему. Если качественные ресурсы и технологии эффективно вытесняют некачественные, дефицит отсутствует, то каков механизм возникновения структурного кризиса в рыночной экономике? Или на самом деле последняя уже не представляет собой иерархической системы, превращаясь в «одноуровневую», односекторную по Льюису, в отношении которой теперь основным фактором роста становится норма сбережений, и структурализм здесь превращается в своеобразное «архитектурное излишество»?

«Капиталистическая версия» структурного кризиса, основанная на смене технологий разного уровня, была предложена в 70-е гг. прошлого века Герхардом Меншем²⁴. Он выделяет базисные, улучшающие и псевдо-инновации, каждая из которых, в свою очередь, связаны с изобретениями. Технологическая структура обладает определенной степенью инерционности — отдельная базисная инновация (например, электромобиль) оказывается неэффективной,

---

24. Менш Г. Технологический пат: инновации преодолевают депрессию. М: Экономика, 2001.

поскольку требует массы дополнительных, улучшающих изобретений и инноваций в смежных, взаимосвязанных отраслях. Технологический пат возникает, когда риск, связанный с базисными инновациями, намного превышает возможности получения дохода. Инвестор должен получить доход и вернуть себе уже сделанные инвестиции. Ко времени окончания технологической паузы возникает возможность новых инвестиций в реализацию не только улучшающих, но и базисных инноваций.

Если попытаться совместить описания структурных перестроек Яременко и Менша, оказывается, что улучшающие инновации – это «контур расширения» и воспроизводства качественных ресурсов на одном и том же «хозяйственном уровне», а базисные инновации создают как новые хозяйственные уровни, так и реализуют «эффект замещения». Эффект компенсации здесь может возникать, но, видимо, только как временное явление, связанное со слишком быстрым расширением нового технологического уровня. Кризис связан с появлением избытка некачественных ресурсов, в первую очередь сравнительно малоквалифицированной рабочей силы. Эти некачественные ресурсы уже не могут найти сбыта – они не нужны в рамках новой, прогрессивной технологической структуры, вполне удовлетворяющей спрос населения в товарах и услугах. Кроме неквалифицированной рабочей силы излишними могут оказаться часть мощностей по производству устаревших конструкционных материалов, полуфабрикатов, а вместе с ними – жилья и инфраструктуры в старых индустриальных районах.

На первый взгляд представляется, что технологический пат в рыночных экономиках представляет собой временное, относительно безобидное явление по сравнению со структурным кризисом в системе с административным распределением ресурсов. Однако это не так. Если включить в анализ международное разделение труда и иерархию национальных экономик в глобальном мире, то можно заметить, что во время технологической паузы важнейшей улучшающей инновацией является перенос части производств за рубеж. Это существенно повышает доходность, а заодно и уменьшает качественные рабочие места в стране-доноре, что приводит к замедлению темпов роста. Последнее, наряду с сохранением высокой доходности капитала, как показывает Т. Пикетти, вызывает рост

социальной дифференциации, а заодно и подрывает финансовые основы «социального государства»²⁵. Общим следствием этих процессов является увеличение разнородности, своеобразная фрагментация капиталистической экономики, напоминающая российскую «анклавизацию», о которой говорил Яременко.

С другой стороны, перенос производств из богатых стран предоставляет шансы для стран догоняющего развития. Естественно, что это требует от последних инвестиций в образование и НИОКР, что впоследствии позволит запустить процесс сначала имитационных, а затем и базовых инноваций. Поэтому с позиций глобального, мирового роста технологический пат имеет и свои положительные стороны. Впрочем, то же самое можно было сказать и в отношении краха СССР и мировой социалистической системы — в 90-е годы развитые страны получили дополнительный импульс роста в связи с появившимся доступом к дешевым ресурсам и новым рынкам.

Тем не менее, как показывают структуралисты, страны «периферийного капитализма» должны проводить грамотную техническую политику, принимая инвестиции развитых стран. В противном случае они так и останутся источником изымаемой в пользу богатых стран интеллектуальной и сырьевой ренты.

---

25. Пикетти Т. Капитал в XXIII веке. М: Ад Маргинем Пресс, 2016.

Э. Райнерт и И. Валлерстайн. Экономическая история и «факторный анализ»

Ю. Яременко в своих интервью С. Белановскому говорил: «Западные экономические теории тоже имели в нашей стране своих приверженцев. Но эти теории, при всех их различиях, парадоксальным образом базируются на одном и том же постулате, который заключается в том, что экономика якобы имеет дело с однородными, технологически однопорядковыми ресурсами. Применительно к нам это в корне неверная предпосылка. Она закрывает доступ к пониманию нашей экономики»²⁶.

Если эта предпосылка была неверна по отношению к СССР, то тем более она неверна по отношению к мировой торговле, в которой СССР активно участвовал. Как будто продолжая диалог с Яременко, Э. Райнерт пишет в своей недавно переведенной на русский язык работе: «...торговая теория, которая формирует сегодняшний экономический порядок, основана на концепции, что страны обмениваются идентичными трудочасами, лишенными качественных характеристик, в системе, где нет производства. Торговая теория Рикардо рассматривает один трудочас времен каменного века наравне с одним трудочасом в Силиконовой долине, а потом предсказывает, что экономическая интеграция между этими экономиками приведет к экономической гармонии и выравниванию зарплат»²⁷. В противоположность мейнстриму Райнерт утверждает, что либерализация международной торговли приводит к тому, что одни страны начинают специализироваться на бедности и невежестве, а другие — на богатстве и знаниях, и иллюстрирует этот тезис многочисленными эмпирическими примерами.

Как это происходит? Как уже говорилось, в соответствии с теорией Хекшера — Улина международная торговля укрепляет специализацию страны в том факторе производства (капитале

---

26. Яременко Ю.В. Экономические беседы. С. 105–106.

27. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД Высшей школы экономики, 2014. С. 56.

или труде), который наиболее интенсивно используется в экспорте страны. Если две страны начинают торговать друг с другом, то, при прочих равных условиях, те сектора, в которых наблюдается относительное доминирование, будут расти и укрепляться, причем в стране – торговом партнере эти же сектора будут сокращаться и слабеть. Это может привести к возникновению «эффекта Ванека – Райнерта», или, другими словами, к гибели лучших. «Если после периода относительной автаркии внезапно начинается свободная торговля между относительно развитой и относительно отсталой странами, то наиболее продвинутый и наукоемкий сектор промышленности наименее развитой страны имеет тенденцию к вымиранию. Наиболее продвинутым отраслям больше остальных свойственна возрастающая отдача; следовательно, они больше остальных чувствительны к падению объема производства, которое неминуемо вызывает внезапное появление зарубежной конкуренции. Эффект Ванека – Райнерта можно было наблюдать после объединения Италии в XIX веке; аналогичным образом в 1990-е годы первой жертвой свободной торговли стала компьютерная промышленность Чехии и Бразилии»²⁸.

Необходимо отметить, что идеи Райнерта сильно пересекаются с «Периферийным капитализмом» Р. Пребиша и работами других структуралистов. Однако в книге Райнерта нет соответствующих ссылок; более того, он, скорее, дистанцируется от этого направления, всячески избегая возможных интерпретаций своей работы как концепции «зависимого развития» или «эксплуатации бедных богатыми странами». Идеологически он обращается за помощью к меркантилистам XVIII в. и основателю немецкой школы Ф. Листу. В этом отношении общность аналитического инструментария, и даже схожесть выводов оказываются менее значимыми, чем идеологические предпочтения. Несмотря на яркий публицистический стиль, обусловивший широкую популярность книги, сомнительно, чтобы у Райнерта появились теоретические наследники.

Эффект Ванека – Райнерта, как уже говорилось, отчасти наблюдался и при либерализации внешней торговли на пространстве бывшего СССР. Однако российские атомная и космическая

---

28. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми... С. 213.

промышленность выжили, доказав, в логике представленного анализа, что эти отрасли располагали лучшими технологиями, чем их западные конкуренты. Но это еще не все. Упадок одних секторов может сопровождаться подъемом в других, так что в целом, казалось бы, либерализация торговли должна способствовать ускорению социально-экономического развития. Такой вывод был бы справедлив при относительной однородности экономик стран-партнеров, но это условие, как уже говорилось, наблюдается редко.

Центральной идеей работы Райнерта является разделение Шумпетеровых и Мальтусовых видов экономической деятельности. Для первых характерна возрастающая отдача, динамичная несовершенная конкуренция, стабильные цены, квалифицированный труд, средний класс, нереверсивные зарплаты, создание крупных синергетических эффектов (связей, кластеров), а технический прогресс ведет к повышению зарплат производителей. Все эти виды деятельности выгодны для экспорта. Напротив, в Мальтусовых видах, невыгодных для экспорта в отсутствие Шумпетерова сектора, наблюдается убывающая отдача, совершенная (товарная) конкуренция, крайне нестабильные цены, неквалифицированный труд, создание феодального (классового) строя, реверсивные зарплаты, малые синергетические эффекты, а технический прогресс приводит к снижению цен для потребителя²⁹.

Между прочим, к Мальтусовым видам деятельности Райнерт относит и сельское хозяйство, и добывающую промышленность. В обеих этих секторах действует убывающая отдача, то есть они характеризуются постоянными или возрастающими средними издержками, о чем, напомним, писал и Пребиш. Ситуация, когда в стране вследствие либерализации режима внешней торговли исчезает индустрия, сокращаются финансовый сектор и сектор НИО-КР, ведет к примитивизации экономики, росту бедности и, соответственно, к Мальтусовым законам народонаселения. Напротив, развитие обрабатывающей промышленности и других технологичных секторов позволяет добиваться роста богатства при одновременном росте населения. Это вполне сочетается с опытом России и других стран бывшего советского блока. В отношении той банальной реко-

---

29. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми... С. 181.

мендации экономистов, что страна должна развивать те отрасли, в которых она имеет сравнительное преимущество, Райнерт ехидно замечает: «После шока 1957 года, когда Советский Союз запустил первый спутник и стало ясно, что СССР опережает США в космической гонке, русские могли бы, вооружившись торговой теорией Рикардо, аргументировано утверждать, что американцы имеют сравнительное преимущество в сельском хозяйстве, а не в космических технологиях... Однако президент Эйзенхауэр выбрал тогда стратегию эмуляции, а не сравнительного преимущества. В 1958 году была основана НАСА, чтобы *эмулировать* Советский Союз, и это было стратегической мерой в лучших традициях Просвещения, но решительно противоречило духу Рикардо»³⁰.

Выделение видов деятельности с убывающей и возрастающей отдачей существенно дополняет эффекты замещения и компенсации, описанные Яременко. Структуралистская теория роста предполагает, что при отсутствии государственного регулирования, направленного на протекционистскую защиту наукоемких отраслей с возрастающей отдачей, сравнительно бедные страны будут *всегда отставать* в экономическом развитии, аккумулируя у себя технологии нижнего уровня и производства с убывающей отдачей.

Это полностью соответствует и выводам мир-системного подхода И. Валлерстайна, выделяющему страны ядра (фактически — сосредоточившие у себя технологии высшего уровня), страны периферии (поставщики на мировой рынок продукции сельского хозяйства и сырьевых ресурсов, использующие технологии нижнего уровня с большим удельным весом ручного, физического труда) и страны полупериферии (имеющие многоуровневую экономику с самой высокой степенью неоднородности технологий)³¹. Естественно, что между этими группами национальных экономик возникает неэквивалентный обмен, позволяющий — если использовать классические представления XIX в. — изымать часть добавленной стоимости в пользу развитых стран подобно тому, как индейцы отдавали пушнину и драгоценные металлы в обмен на стеклянные безделушки и алкоголь. Но поскольку экономики стран, участвующих в мировой

30. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми... С. 46–47.

31. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

торговле, принципиально неоднородны, то возникает вопрос, а каким еще этот обмен вообще может быть.

Описание эволюции мирового хозяйства Ф. Броделем прямо демонстрирует указанную неоднородность и процесс освоения передовыми странами технологий с возрастающей отдачей³². Об этом же пишет и Дж. Мокир, рассматривая историю развития техники и креативность различных стран и народов³³. Строго говоря, для исследователей, занимающихся экономической историей, неоднородность экономики и наличие технологий с различной эффективностью являются самоочевидными условиями анализа. Силы воды, ветра, пара, электрическая энергия, разные типы оружия постоянно фигурируют в исторических описаниях. А. Мэддисон, рассматривая экономический рост, указывает: «Наиболее динамичной особенностью стал взрывной рост такого показателя, как количество машин и оборудования в расчете на душу населения. В 1820–2003 гг. в Великобритании он увеличился в 155 раз, в США — в 372 раза, а в Японии с 1890 г. — в 332 раза. Объем нежилого фонда зданий и сооружений увеличился в значительно меньшей степени. В Великобритании он возрос в 21 раз, в США — в 33 раза, и в Японии — в 89 раз.

Используемая техника в той или иной форме потребляет различные виды энергии. Однако рост энергетического потребления был гораздо более медленным, чем рост количества машин и оборудования. В США, с их избытком легкодоступного в 1820 г. леса, подушевое потребление первичной энергии возросло в 3 раза, в то время как в Великобритании — в 6 раз, а в Японии — в 20 раз...»³⁴.

На наш взгляд, концепции Броделя и Валлерстайна нельзя однозначно относить к марксистским, как это делает, например, Е. Гайдар³⁵. Важной чертой марксизма является так называемый «историцизм» — представление о неизбежных этапах развития, через которые проходит каждая страна, каждое государство, причем экономика (базис) определяет политическое устройство (надстрой-

32. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3-х томах. М.: Весь Мир, 2006–2007.

33. Мокир Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

34. Мэддисон Э. Контурь мировой экономики в 1 – 2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. С. 118.

35. Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. С. 72–79.

ку). Однако и у Броделя, и у Валлерстайна капитализм представляет собой *мировую систему*, причем политическое и экономическое господство в ней *неразделимы*. Есть два типа такого господства — «миры — империи», построенные на военном доминировании ядра, и «миры — экономики», где доминирование ядра осуществляется на основе торговых связей, включающих неэквивалентный обмен. Спецификой нынешнего мироустройства является наличие глобальной экономической системы, поглотившей все существовавшие когда-то «миры — империи». Как будет трансформироваться эта система — предсказать невозможно³⁶.

С.Ю. Глазьев рассматривает смену «технологических укладов» как основу больших циклов конъюнктуры Н. Кондратьева, ранжируя отрасли в соответствии с временем появления соответствующих технологий³⁷. Это, безусловно, тоже структуралистский подход. «Технологические уклады» ныне прочно вошли в научный обиход российских экономистов, занимающихся инновациями и научно-техническим прогрессом.

С другой стороны, отнесение отрасли к тому или иному укладу хотя и соответствует структуралистскому подходу, является сильным и, на наш взгляд, некорректным упрощением. Так, например, рыболовство само по себе является вообще «доиндустриальной» сферой производства, но современная аквакультура — наукоемкая и капиталоемкая отрасль с возрастающей отдачей, которую никак нельзя относить к первым технологическим укладам или «нижним технологиям». Поэтому разделение технологий по принципу возрастающей и убывающей отдачи, как и выделение замещающих и компенсирующих эффектов, представляется более полезным для осуществления технологической политики, чем простое отнесение отраслей к тому или иному технологическому укладу.

Вместе с тем идея развития передовых технологий последнего технологического уклада, отстаиваемая Глазьевым, вполне соответствует требованию «эмуляции» (заимствования, обучения

36. Стоит отметить, что на этом основании Е. Гайдар вообще не относил концепцию Валлерстайна к научным: «В отличие от многих Марксовых построений, которые проходят тест К. Поппера на фальсифицируемость, т.е. на определение того набора фактов, который сможет ее подтвердить или опровергнуть, картина мира И. Валлерстайна позволяет включить в себя любое развитие событий». Гайдар Е. Долгое время... С. 73–74.

37. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.

и конкурентного опережения) отстающих стран, которое пропагандирует Э. Райнерт. Отказ от технологической конкуренции, сосредоточение национальной экономики на своих «сравнительных преимуществах», означает отставание и бедность — с этой позицией Глазьева трудно не согласиться.

Подход к исследованию исторических событий как к смене технологических укладов имеет свои методологические ограничения. Модель Глазьева трудно применить как к доиндустриальному, аграрному обществу, так и к постиндустриальному. Однако в нынешней исторической науке набирает силу «структурно-демографический анализ», который претендует на выявление экономических причин социальных событий, включая такие эксцессы, как войны, революции, реформы. Данное направление связано с именами У. Макнила³⁸, Дж. Годдстоуна³⁹, П. Турчина⁴⁰. В России ярким представителем «структурно-демографического анализа» является С. Нефедов⁴¹.

С одной стороны, в основе такого анализа лежат неомальтузианские представления. Население страны делится на три категории: «элита», «народ», «государство»; между этими категориями складываются определенные важные пропорции. Если удельный вес элиты превышает некую «норму» по отношению к «народу» и жизненный уровень таких аристократов начинает снижаться, это может привести к междоусобицам и войнам. В свою очередь, на положении народа сказываются как географические и климатические, так и технические факторы. Наконец, на государство и его взаимоотношения как с другими государствами, так и с собственной элитой сильно влияют военные инновации (военная техника, способы формирования вооруженных сил, организация снабжения и ведения военных действий).

Наличие необходимых ресурсов регулирует как общую численность населения, так и его половозрастной состав. Высокие темпы прироста населения приводят к увеличению удельного веса молодежи, что, в свою очередь, способствует росту склонности к на-

38. McNeill W. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A. D. 1000*. Oxford, 1983.

39. Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, 1991.

40. Turchin P., Nefedov S. *Secular Cycles*. Princeton and Oxford, 2009.

41. Нефедов С. *История России. Факторный анализ*. В 2 т. М.: ИД «Территория будущего», 2010.

сильственным действиям, будь то в отношении представителей своего государства, будь то в отношении других государств.

Концепция российской истории С. Нефедова вызвала неоднозначную реакцию со стороны профессиональных историков⁴², однако она хорошо дополняет попытки клиометристов количественно проверить те или иные исторические нарративы. Более того, учитывая события последних 50 лет, многие революции трудно рассматривать в контексте марксистских взглядов на «смену типа собственности на средства производства», хотя, конечно, они сопровождались переделом и собственности, и власти во всех «революционных странах». Анализ социальных процессов, приводящих к революциям, выполненный Дж. Голдстоуном в контексте структурно-демографического подхода⁴³, представляется намного более плодотворным, нежели «теории заговора» или либеральной борьбы «всего хорошего против всего плохого».

---

42. Попов Г. Красивые концепции и упрямые факты (Критические размышления над книгой: Нефедов С.А. История России.) Путь доступа <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-09/700>. Дата обращения: 5 августа 2016.

43. Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М: Издательство института Гайдара, 2015.

Заключение

Структурализм совмещается с самыми разными идеологическими предпочтениями. Как уже говорилось, необходимость постоянной структурной перестройки неявно заложена в модели воспроизводства и накопления К. Маркса, на неоднородность и спроса, и предложения напрямую указывал Ф. фон Хайек⁴⁴; современные теории международного движения капитала, мировой торговли, трудовой миграции также основаны на структурализме⁴⁵. И все же структуралистские теории экономического роста остаются, в общем-то, пока еще вне мейнстрима. При этом, на наш взгляд, методология анализа является не столько противоположностью, сколько *дополнением* мейнстрима. Ведь если попытаться дать определение основной проблематики структурного анализа, то оказывается, что она удивительно близка к классическому пониманию задач экономической науки А. Смитом. Об этом зачастую говорят сами названия трудов структуралистов, например: «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными», «Инновации преодолевают депрессию», или «Теория долгосрочного технико-экономического развития».

Если говорить о некоей общей структуралистской парадигме экономического роста, то, кроме технологических инноваций, приводящих к структурным сдвигам в экономической системе и обеспечивающих ее развитие, следует отметить внимание к механизмам, блокирующим эти сдвиги. Внедрение любой такой инновации предполагает перераспределение власти, а это вступает в противоречие и с мировым порядком международной торговли (Пребиш, Бродель, Валлерстайн, Райнерт), и с внутренним институциональным устройством. Как показал М. Олсон, социальная эволюция, сопровождающая экономическое развитие, неизбежно приводит к возникновению устойчивых коалиций, присваивающих различные виды ренты, что — в свою очередь — означает институ-

---

44. Хайек Ф. Смысл конкуренции. В кн. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. С. 111–127.

45. Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945–1990. М.: Наука, 1994. С. 96–145.

циональный склероз и блокирование любых крупных структурных изменений⁴⁶.

Особенностью этой парадигмы является и то, что «ограниченность ресурсов» в ней не играет роли. Вместо них в каждый отдельный момент времени экономический рост ограничивается технологиями и совокупностью доминирующих социально-экономических институтов. На первый взгляд, это чисто терминологическое различие: «технологию» тоже можно рассматривать как один из видов «ресурсов», и в краткосрочном периоде это действительно не имеет значения. Но в долгосрочном периоде различия между ними становятся принципиальными: ограничения «по ресурсам» являются экзогенными, в то время как ограничения «по технологиям» — эндогенные, они связаны с когнитивностью, степенью понимания устройства общества и природы. Когнитивность — эндогенное ограничение, которое связано с действующими социально-экономическими институтами⁴⁷. В зависимости от убеждений и знаний людей, способов организации финансов, науки и производства «ограничение по технологиям» может сниматься или становиться более жестким. При таком взгляде на ограничения экономического роста центр тяжести смещается с факторов конъюнктуры (скажем, цены на углеводороды или другие экспортные товары и услуги) на *убеждения и идеологии*, задающие область приемлемых решений.

В то же время разрывы в развитии структурализма связаны, конечно, не только с идеологическими противоречиями, но и с существенными методологическими затруднениями. Назовем некоторые из них:

- 1) отсутствие адекватного статистического описания и, соответственно, системы наблюдения. Действующая статистика опирается на представления о *равновесии*, используя систему национальных счетов и классификацию видов экономической дея-

46. Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998.

47. «Структура, которую создают люди для упорядочения своей политической и экономической среды, является главным определяющим фактором производительности экономики... Этот институциональный каркас состоит из политической структуры, определяющей то, как мы выявляем и агрегируем политические выборы, структуры прав собственности, которая определяет формальные экономические стимулы, а также социальной структуры, то есть норм и конвенций, которые определяют неформальные стимулы в экономике». Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010. С. 78–79.

- тельности. Она не позволяет вычлениить базовые и улучшающие инновации, как и убывающую и возрастающую отдачу. По сути, она никак не связана с описанием и классификацией технологий;
- 2) структурализм предполагает проактивную государственную промышленную политику. На практике, однако, это сводится к государственному программированию, предполагающему рост бюджетных расходов, а также различным мерам налогового стимулирования, другие инструменты в арсенале экономической теории отсутствуют;
  - 3) взаимоотношения между развитием образования, фундаментальной наукой, НИОКР и технологическими инновациями весьма противоречивы. Зачастую эти отношения вообще выводятся за рамки экономического анализа — и, видимо, отчасти это справедливо, так как образование может в первую очередь выступать инструментом фильтрации социальной элиты, а не сферой сохранения и трансляции знаний.

Это только некоторые, хотя и — на наш взгляд — достаточно важные факторы, затрудняющие структуралистские экономические исследования и практические рекомендации. Список их может быть гораздо больше. Однако некоторый оптимизм внушает неуклонный рост исследований, посвященных возрастающей отдаче в экономике⁴⁸. Это постепенно продвигает вперед, если использовать терминологию Э. Райнерта, понимание различий между Шумпетеровыми и Мальтусовыми видами деятельности и возможностями формирования элементов структурной экономической политики. На наш взгляд, будущее экономической теории XXI в. именно за таким анализом структур экономической системы — технологической, институциональной, территориальной, финансовой. При этом идеологические расхождения между экономистами, конечно, останутся; более того, скорее, станут даже более острыми, нежели во времена господства методологии анализа монетаризма и неоклассического синтеза.

---

48. См. хороший библиометрический анализ возрастающей отдачи в работе: Кирдина С.Г., Шталова Т.Ю. Возрастающая отдача в современной экономической литературе: контент-анализ российских и зарубежных источников. В кн. Феномен возрастающей отдачи в экономике и политике: сб. научн. трудов. / Под ред. С.Г. Кирдиной, В.И. Маевского. СПб: Алетейя, 2014. С. 18–54.

Литература

- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. В 3-х томах. М.: Весь Мир, 2006—2007.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
- Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945 — 1990. М.: Наука, 1994.
- Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
- Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста. — М.: Евразия, 1997.
- Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.
- Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М.: Издательство института Гайдара, 2015.
- Кирдина С.Г., Шаталова Т.Ю. Возрастающая отдача в современной экономической литературе: контент-анализ российских и зарубежных источников. В кн. *Феномен возрастающей отдачи в экономике и политике: сб. научн. трудов* / Под ред. С.Г. Кирдиной, В.И. Маевского. СПб.: Алетейя, 2014. С. 18—54.
- Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.
- Лав Дж.Л. Рауль Пребиш и возникновение доктрины неэквивалентного обмена. В кн. *Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке* / редкол.: В.С. Автономов (гл. ред.), О.И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д.И. Мельник (отв. секр.) и др. М.: ИД ВШЭ, 2015. С. 411—452.
- Линдерт П. Экономика мирохозяйственных связей. М.: Прогресс, 1992.
- МВФ доказал, что страна-экспортер сырья всегда будет отставать от промышленных стран // Финмаркет, 19 августа 2013. Путь доступа: <http://www.finmarket.ru/main/article/3441268> (дата обращения 01.08.2016).
- Мениш Г. Технологический пат: инновации преодолевают депрессию. М.: Экономика, 2001.
- Мокир Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
- Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1 — 2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.

- Мэнкью Н.Г. Макроэкономика. М.: МГУ, 1994.
- Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 2000.
- Нефедов С. История России. Факторный анализ. В 2 т. М.: ИД «Территория будущего», 2010.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010.
- Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.
- Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998.
- Ореховский П.А. Неравный обмен и свойства пространства в экономической теории // Вопросы экономики, № 8, 2010. С. 90–111.
- Пикетти Т. Капитал в ХХШ веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Попов Г. Красивые концепции и упрямые факты. (Критические размышления над книгой: Нефедов С.А. История России.) Путь доступа <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-09/700>. Дата обращения: 5 августа 2016.
- Пребиши Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА. 1992.
- Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928. М.: Издательство Главархива Москвы, 2008.
- Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД Высшей школы экономики, 2014.
- Роббинс Л. Природа и значение экономической науки. В кн. *Философия экономики. Антология* /Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 93–123.
- Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки» М.: Изд-во института Гайдара, 2016.
- Ромер Д. Высшая макроэкономика. М.: ИД ВШЭ, 2014.
- Хайек Ф. Смысл конкуренции. В кн. *Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок*. Челябинск: Социум, 2011. С. 111–127.
- Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 1997.
- Яременко Ю.В. Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. М.: Центр исследований и статистики науки, 1999.

- Goldstone J.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991.
- Lewis W.A.* The Theory of Economic Growth. London: Allen and Unwin, 1955.
- McNeill W.* The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A. D. 1000. Oxford, 1983.
- Solow R.M.* A Skeptical Note on the Constancy of Relative Shares // American Economic Review. Vol. 48, No. 4, September 1958. P. 618–631.
- Turchin P., Nefedov S.* Secular Cycles. Princeton and Oxford, 2009.

Об авторе

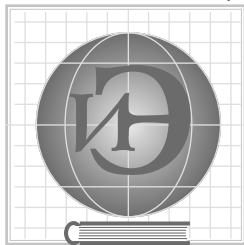

Петр Александрович Ореховский – главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ. Окончил экономический факультет Новосибирского государственного университета в 1982 г. Доктор экономических наук (1994, Санкт-Петербургский университет экономики и финансов), профессор (1997, Обнинский институт атомной энергетики). Работал в органах местного самоуправления (Новосибирск, 1991–1992 – начальник отдела; Обнинск, 1992–1993 – вице-мэр; Омск, 1997–1998 – начальник управления – зам. руководителя аппарата советников мэра).

Автор и соавтор более 100 научных работ, в том числе 2 индивидуальных монографий и 5 учебных пособий.

Author affiliation: doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia. Corresponding author: Petr Orekhovskiy, orekhovskypa@mail.ru.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Ореховский П.А.

Прерывистый тренд развития структурализма:
альтернативная традиция экономического анализа

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка *Сухомлинов А.Р.*

Подписано в печать 19.09.2016. Заказ № 32

Тираж 300 экз. Объем 2,2 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0573-6

9 785994 005736